

К моменту начала царствования Петра I у России оставались две сложнейшие внешнеполитические проблемы XVII в.: турецкая и шведская. Они обе означали борьбу за выход к морям, в первом случае - к Черному, во втором — к Балтийскому. Первое десятилетие царствования Петра I было целиком посвящено решению черноморской проблемы. Черное море в то время было внутренним морем Турецкой империи, оберегавшей его, по образному выражению одного дипломата - современника Петра I, «как чистую непорочную девицу», к которой никто не смел прикоснуться. Султан мог скорее допустить посторонних во внутренние свои покои, чем согласиться на плавание чужих кораблей по черноморским водам¹. К Петру I со времени правления царевны Софьи перешел антитурецкий союз, в который кроме России входили Австрия, Венеция и Речь Посполитая. Россия оставалась в состоянии войны с Турцией, и с 1690-х по 1700 г. южное направление ее внешней политики было главным. Эта война при Софье была начата двумя неудачными крымскими походами, поэтому Петр I отказался от мысли взять сильно укрепленный Крымский полуостров с суши, фронтальным ударом через Перекоп. Он поставил себе другую задачу — сначала укрепиться на берегах Азовского моря. Но для того, чтобы достичь этой цели, нужно было построить флот. И Петр I начинает заниматься кораблестроением. Из многих символов Петровской эпохи следует особо выделить «корабль под парусами со шкипером на мостике».

Сей шкипер был тот шкипер славный,

Кем наша двинулась земля,

Кто придал мощно бег державный

Рулю родного корабля², — напишет А.С. Пушкин. Корабль - эта вечная любовь Петра I — был для него символом материального воплощения человеческого разума. Уже в 1693 г. Петр I совершил поездку в Архангельск на закладку первой в России корабельной верфи, участвовал в постройке первого российского морского корабля³.

В 1695-1696 гг. Петр I предпринимает два похода на турецкую крепость Азов (Азовские походы). Первый не принес успеха. У России не было еще флота, так что она не смогла заблокировать крепость с моря, и турки снабжали Азов всем необходимым морским путем.

За зиму 1695-1696 гг. на вновь созданной верфи под Воронежем была построена первая русская флотилия, состоявшая из двадцати девяти кораблей. Во время второго похода Петра I летом 1696 г. крепость Азов была успешно блокирована с моря и 19 июля, после штурма, захвачена русскими. Взятие Азова и основание еще одной крепости, Таганрога (1698), обеспечили России господство на Азовском море. Однако, пока Керченский пролив оставался в руках Турции, это не давало России доступа в Черное море. Один Петр I не мог справиться с турками.

Между тем

союзники России склонялись к заключению мира с турецким султаном, так как в Европе решались другие важные проблемы - готовилась война за испанское наследство.

Желая довести до конца решение черноморской проблемы и укрепить антитурецкую коалицию, Петр I направил в Вену посланника К.Н. Нефимонова, которому после длительных переговоров удалось подписать трактат о наступательном союзе России, Австрии и Венеции против «общего неприятеля турков и татар», о войне с ними на суше и море. В договоре были статьи о взаимной военной помощи, об отказе от сепаратного мира⁴. Однако, заключенный

с огромным трудом, он не получил большого практического значения.

Вернувшись после азовской победы в сентябре 1696 г. в Москву, Петр I всецело занялся осуществлением двух идей: постройкой военного флота для Азовского моря и подготовкой поездки большого посольства в Европу. Этот план созрел у молодого царя давно.

Петр I, живший в юные годы в царском селе Преображенском, вдали от Московского Кремля, часто посещал Немецкую слободу — поселение иностранцев, являвшееся своеобразным европейским островком в Москве. Немецкая слобода привлекала молодого любознательного русского царя своей непохожестью на привычный ему кремлевский мир и помогала преодолеть психологический барьер, разделявший православную Русь и «богопротивную» Европу, пробуждая в нем все больший интерес к западноевропейским странам.

Зарождение мысли о заграничной поездке объясняет сам Петр I в составленном много лет спустя под его редакцией и при его непосредственном авторском участии предисловии к Морскому регламенту. Он вспоминает, как началась в 1696 г. постройка кораблей и галер на реке Воронеже, и добавляет: «И дабы то вечно утвердилось в России, умыслил искусства дела того ввести в народ свой, и того ради многое число людей благородных послал в Голландию и иные государства учиться архитектуры и управления корабельного. И аки бы устыдился монарх отстаться от подданных своих в оном искусстве, и сам воспринял марш в Голландию, и в Амстердаме на Остиндской верфи, вдав себя с прочими волонтерами своими в научение корабельной архитектуры, в краткое время в оном свершился, что подобало доброму плотнику знать, и своими трудами и мастерством новый корабль построил и на воду спустил»⁵.

Подготовка и осуществление этих идей становятся главными заботами государственной деятельности Петра I в последние три месяца 1696 г. Сначала, 20 октября, Боярская дума по его указанию принимает решение: «Морским судам быть», а затем 4 ноября в селе Преображенском Дума по воле государя постановила «ввести натуральную повинность духовных и светских землевладельцев (по дворам) на построение и содержание кораблей»⁶.

Тогда же было принято решение о подготовке Великого посольства в Европу.

Двадцать второго ноября 1696 г. Петр I издает указ об отправке в Европу стольников в количестве шестидесяти одного человека для изучения «навигатской науки». В январе 1697 г. он составляет для них инструкцию - «Статьи последующие учению морского флота»⁷, в которой заключалась программа их занятий за границей. Занятия эти были двух направлений: обязательные для всех и необязательные, по желанию. Общеобязательные предполагали изучение мореплавания, морских карт и компаса, ознакомление с оснащением корабля и обретение навыка управлять им как в обыкновенном плавании, так и в бою. После окончания образования каждый стольник должен был выхлопотать себе аттестат или свидетельство от морских властей, под руководством которых изучался курс морских наук.

Сверх этого те из стольников, кто пожелал бы заслужить по возвращении на родину особую царскую милость, должны были изучать корабельную архитектуру. Но этим обязанности стольников не ограничивались. Каждый из них должен был исполнить еще два поручения. Во-первых, нанять за границей и привезти в Москву на свой счет двух искусных мастеров морского дела (расходы потом покрывались казной). Во-вторых, каждый стольник в заграничной поездке должен был обучать морскому делу солдата, прикомандированного к нему на время поездки за казенный счет. Кто не хотел везти с собой солдата, мог вместо него обучать морскому делу своего родственника или холопа, причем казна выдавала

на содержание такого человека по сто рублей.

По указанию Петра I конечным сроком выезда стольников из Москвы были назначены последние числа февраля, поскольку надо было выехать зимним временем.

Список стольников, которым надлежало ехать за границу на учебу, обнародованный Петром I в том же указе 22 ноября, в немалой степени поразил многие дворянские семьи. В него были включены все знатнейшие аристократические фамилии придворных — «стольники обеих комнат», то есть обоих государей, Петра I и недавно умершего Ивана Алексеевича. Двадцать три стольника носили княжеские титулы: Борис Куракин, трое Голицыных, Григорий и Владимир Долгорукие, Даниил Черкасский, Андрей Репнин, Юрий Трубецкой, Александр Прозоровский, Михаил Оболенский, Федор Волконский, братья Шереметевы, Шаховские, Бутурлины, Салтыковы и другие. Тридцать девять человек отправлялись в Италию и двадцать два в Голландию.

Для проезда за границу стольникам выдали паспорта из Посольского приказа⁸. Они должны были ехать на собственный счет, самостоятельно, в пределах отведенного каждому на сборы в путь времени. Но в указанные царем сроки отъезда из Москвы многие стольники не уложились. Из выданных им паспортов видно, что они начали выезжать за границу с начала января и продолжали покидать родину еще и в июне. Находившийся в Москве посол Плейер писал австрийскому императору 8 июня 1697 г., что «ежедневно уезжают отсюда в Голландию, Данию и Англию молодые люди, которым под страхом потери земель и имущества велено ехать на собственный счет, и никто не может возвращаться без свидетельства об оказанных заслугах»⁹.

Вслед за указом об отправке за границу стольников, 6 декабря 1696 г., последовал новый царский указ о снаряжении Великого посольства к европейским дворам. В этот день в Посольском приказе думный дьяк Емельян Украинцев объявил, что «государь указал, для своих великих государственных дел, послать в окрестные государства, к цесарю, к королям Английскому и Датскому, к папе Римскому, к Голландским штатам, к курфюрсту Бранденбургскому и в Венецию в великих и полномочных послах: генерала и адмирала Франца Яковлевича Лефорты, генерала и комиссара Федора Алексеевича Головина, думного дьяка Прокофья Возницына и послать с ними к тем окрестным государям свои, великого государя, верующие (аккредитивные. — Ю.С.) и полномочные грамоты. А по чему им, в тех государствах будучи, его, великого государя, дела делать, и о том дать им из Посольского приказу наказ»¹⁰.

Вместе с тремя Великими послами за границу отправлялись более восьмидесяти дворян в сопровождении прислуги. При посольстве ехали свыше тридцати человек разного рода должностных лиц — подьячие, переводчики, толмачи, лекари и другие. К посольству был присоединен отряд волонтеров под командованием князя А.М. Черкасского. Они направлялись для изучения морской науки. Отряд делился на три десятка, каждый с десятником во главе. Во втором им был Петр Михайлов (царь). Всего ехало тридцать пять волонтеров. При них - двенадцать человек прислуги. Большинство членов отряда состояло из бомбардиров Петра I. С посольством следовал караульный отряд солдат-преображенцев из шестидесяти человек во главе с майором Я. Шмитом. Из конюшенного приказа отбывали экипажи с конюхами, и так далее. Таким образом, по данным М.М. Богословского, посольство должно было отправиться в поездку в составе около двухсот пятидесяти человек". А.С. Пушкин в своих материалах о Петре I называет другую цифру — двести семьдесят человек¹².

Был установлен точный срок выезда посольства, по пути его следования из Посольского приказа отправлены грамоты, составлен в старых традиционных

языковых формах наказ Великим послам. Однако подлинный, имевший силу наказ был дан посольству самим Петром I.

Таким образом, мысль о посольстве получила определенную официальную форму. Делу был дан ход. Посольский приказ начал усиленную работу по отправке посольства за границу. В этих подготовительных делах Петр I принимал самое живейшее участие, входя во все подробности, отдавая приказания и разрешая возникающие вопросы. Думный дьяк Емельян Украинцев неоднократно представлял царю на разрешение бумаги по разным вопросам, касавшимся посольства. Теперь Петр I, которому раньше докладывались бумаги Посольского приказа, осведомлявшие его о внешних сношениях России, имел случай особенно близко соприкоснуться со всеми подробностями дипломатического ведомства. В дни подготовки посольства Петр I сам проявлял много внимания и инициативы, постоянно требовал от Посольского приказа разные справки и посылал туда свои повеления.

Шестого декабря 1696 г., в день объявления о поездке Великого посольства в Европу, Петр I встретился со вторым послом Ф.А. Головиным, известным своей дипломатической службой, заключившим в 1689 г. Нерчинский договор с Китаем. Петр I поручил ему дело подготовки посольства и дал несколько поручений. По распоряжению царя Головин сообщил П.Ф. Возницыну о назначении его третьим послом. В письме от 9 декабря Головин, через которого теперь шли распоряжения Петра I по Великому посольству, потребовал от думного дьяка Е.И. Украинцева сделать для царя выписки о подарках, отправлявшихся прежде с послами европейским монархам. Далее письмо содержало целый список бумаг и вещей, которые надо было подготовить для посольства¹³.

Пятнадцатого декабря Петру I был представлен доклад Посольского приказа о свободных наместнических титулах, которыми именовались по обыкновению послы и которыми можно было бы именовать отправляемых теперь в Европу послов. Петр I указал первому послу, генералу и адмиралу Францу Лефорту именоваться наместником «новгородским», а генералу и комиссару Ф.А. Головину — наместником «сибирским»¹⁴.

Двадцать шестого декабря царь распорядился направить в Европу гонца с извещением о Великом посольстве — генерала-бригадира А. Вейде. Ему было предписано дожидаться в Вене прибытия послов и употребить время на ознакомление с нововведениями в военном деле. В документе говорилось: «...быть в войсках цесарских для присматривания новых воинских искусств и поведения»¹⁵. Восьмого января 1697 г. Петр I утвердил проекты программ, отправляемых с Вейде к курфюрстам Саксонскому и Бранденбургскому и к князю Курляндскому. Петру I пришлось решать также вопросы по оформлению грамот, направляемых австрийскому императору и папе Римскому¹⁶.

На содержание Великого посольства государством выделялись значительные денежные средства. Сохранившиеся приходно-расходные книги - ценнейший исторический источник, на страницах которого помещены одна за другой записи о расходах, связанных с подготовкой и отправкой посольства. Эти документы не раз привлекали внимание историков - исследователей Петровской эпохи. Ими пользовались в свое время Н.Г. Устрялов и С.М. Соловьев. Они многократно цитируются в пятитомном труде М.М. Богословского «Петр I. Материалы для биографии» (М., 1940) и в других работах. Приходно-расходные книги значительно дополняют те сведения, которые необходимы для всестороннего освещения событий, связанных с посольством.

В этих документах имеются данные о том, что по распоряжению Петра I из приказа Большой казны было взято «на корабельные наймы» и на иные посольские расходы 15 000 золотых червонных, считая по рублю золотой¹⁷. Из

Сибирского приказа было велено выдать на 7 000 рублей соболей - для подарков и вознаграждение за услуги. Но в Сибирском приказе не оказалось, по-видимому, нужного количества соболей. Их выдали только на сумму 5 000 рублей, а разницу покрыли другими мехами и дорогими материалами. Для хранения мехов и материй был приставлен торговый человек собольщик Иван Михайлов¹⁸.

Третьим источником денежных средств для посольства была казна ефимков¹⁹, вырученных в количестве 80 761 за проданный в Архангельске голландским купцам поташ. В Москве из приказа Большой казны посольству были выданы векселя, по которым в Амстердаме через бургомистра Николая Витзена, хорошего знакомого Петра I, соответствующая сумма была получена в несколько приемов с августа 1697 г. по март 1698 г. у девяти голландских купцов²⁰. Подобный способ получения денег представлял для русского посольства большие удобства, так как он освобождал его от необходимости везти с собой через всю Европу такой громоздкий и опасный груз.

Однако всех этих сумм оказалось недостаточно для покрытия расходов на посольство. Поэтому были использованы резервы. За период пребывания посольства в Голландии дополнительные средства составили: 20 000 рублей, полученные за проданную табачную монополию, 1 000 рублей — за реализованный корабль, на котором прибыло посольство. И еще 101 199 ефимков и 29 999 золотых поступили переводными письмами²¹.

Перед отъездом из Москвы члены посольства получили вперед жалованье: первый посол Лефорт - в размере 2 920 рублей, второй, Головин, - 2 300 рублей и третий, Возницын, — 1 600 рублей; остальные - соответственно занимаемому в посольстве положению или месту, например, дворяне - по 130 рублей, подьячие - от 120 до 80 рублей и так далее. Кроме того, каждому из трех послов было выдано содержание продуктами, состоявшими из разных сортов меда, рыбы (осетрины, белорыбицы и лососины) и муки. Другие участники посольства также получили содержание - частично деньгами, а частью продуктами. С посольством везли платье и личные вещи его членов²².

Из документов по подготовке отъезда посольства за границу видно, что дело снаряжения посольства, по указанию Петра I, взял в свои руки опытный в дипломатической службе Головин, а Лефорт, не имевший в этом отношении никакой практики, был фактически номинальной фигурой. Головин считал, что, готовясь к поездке в Европу, нужно внимательно ознакомиться с дипломатическими бумагами прошлого. Обращаясь в январе 1697 г. к дьяку Посольского приказа Украинцеву, занимавшемуся подготовкой посольства, он просил: «Государь мой Емельян Игнатьевич... повели, мой государь, дела, которые с нами велено отпустить, а написано отдавать подьячим помаленьку, чтобы осмотреться мне все, что надобно будет, хотя начало - вели учинить сего дни. Федька, челом бью»²³.

Шла напряженная работа по изготовлению необходимых для посольства дипломатических документов: снимались копии со «статейных списков» посольств к тем европейским дворам, куда направлялись Великие послы. Эти копии были переплетены в тридцать три кожаных золоченых переплета. Писались грамоты ко дворам, по две к каждому: верующая и полномочная; та и другая на больших листах александрийской бумаги с украшениями — с заставками и фигурными каймами с изображением имен и титулов государей золотом. Наказ для посольства составлялся по прежним образцам.

Посольский приказ заботился также о закупке отправляемых с посольством канцелярской мебели и принадлежностей. Головин передал в приказ полный перечень нужных для посольства канцелярских предметов. К ним были присоединены две государственные серебряные печати - большая и малая, специально изготовленные по заказу Петра I перед отъездом посольства²⁴.

Петр I вникал во все подробности подготовки посольства. Даже такая мелочь, как отправка с

посольством из государева Казенного двора рукомойников с лоханками, щипцов, ковров и прочего, вызвала два личных доклада государю начальников Посольского приказа и Казенного двора. Все назначения и размеры жалования членам посольства определялись только с ведома Петра I, и не раз записываемая в указе официальная формула «государь пожаловал», «повелел» отражала собой действительное распоряжение самого Петра I.

Вернувшись после второго Азовского похода и постоянно находясь в селе Преображенском с октября 1696 г. до марта 1697 г., Петр I занимался проектами построения флота для Азовского моря, принимал меры к удержанию Азовского края и снаряжал Великое посольство за границу. Здесь он в полной мере проявил себя как деятельный государь: отдавал повеления, выслушивал доклады и разрешал представляемые ему вопросы. Перед отъездом за рубеж ему пришлось впервые в таком широком объеме соприкоснуться с унаследованной от прошлых времен государственной машиной. Теперь она должна была осуществлять его планы, работать для новых идей, выдвигаемых его разумом, его волей, приспособляясь к ним. Например, 4 ноября 1696 г. Боярская дума приспособила Владимирский судный приказ стать исполнительным учреждением в деле судостроения. Но механизм государственной власти, складывавшийся веками и действовавший, «примеряясь к прежним случаям», не был приспособлен к выполнению задач, выдвигаемых новой властью. Требовалось создание более гибкого централизованного аппарата государственного управления.

Но уже и тогда в системе административного управления начинают появляться ранее неизвестные черты, возникают новые учреждения, вызываемые к жизни потребностями времени. Так, в Преображенском селе создается Генеральный двор, где сосредотачивается управление новыми полками армии; в Воронеже формируется Адмиралтейский двор для постройки военных морских кораблей; иноземные генералы приглашаются на заседания Боярской думы; учреждается канцелярия дьяка Прокофьева в селе Воскресенском для набора «охочих людей» (добровольцев) на солдатскую службу.

Гораздо раньше старого механизма государственной власти был отброшен старый дворцовый ритуал. Выступая теперь в роли царствующего монарха, Петр I окончательно перестает его соблюдать. Осложнились его отношения с церковью, с новым патриархом Адрианом, не разделявшими симпатий царя к Немецкой слободе и иноземцам. Церковь особенно неодобрительно отнеслась к необыкновенно смелой, не имевшей никаких прецедентов в прошлом идее и подготовке заграничной поездки Петра I. Отношения настолько обострились, что молодой государь, вообще очень аккуратен, даже во время военных походов, посещавший богослужения, перестал присутствовать на торжественных службах, совершаемых патриархом, довольствуясь посещением домово́й церкви. За пять месяцев осени и зимы 1696-1697 гг. дворцовыми разрядами не было отмечено ни одного царского выхода ни в один из соборов Москвы. Не присутствовал Петр I ни на одной из январских панихид в Архангельском соборе Кремля — ни по матери, ни по отцу, ни по брату Ивану в годовую день его кончины.

Двадцать первого февраля 1697г.. царь был у патриарха, очевидно, чтобы испросить благословения на предстоящее путешествие в Европу. Встреча произошла в Столовой палате. При расставании Адриан благословил государя иконой Владимирской Божьей Матери.

С момента прихода Петра I к власти борьба внутри господствующей верхушки общества не прекратилась. Произошло более четкое размежевание политических сил, когда против Петра I, стоявшего во главе основной массы дворянства, выступили отдельные представители бояр и оппозиционная часть духовенства, недовольные преобразованиями царя, его отношением к церкви, предстоящей его поездкой за границу. Это было особенно опасно в условиях подготовки Великого посольства. Возбуждение общественной мысли в 1690-е гг. отразилось в деле членов кружка духовных лиц, возглавлявшегося монахом, строителем подмосковного Андреевского монастыря, старцем Авраамием. Среди членов кружка были два зажиточных крестьянина - братья Посошковы, один из которых, Иван Тихонович, впоследствии стал знаменитым публицистом петровского времени. Он оставил о себе память талантливой «Книгой о скудности и богатстве».

Два явления московской жизни привлекали внимание членов кружка Авраамия и вызывали у

них неудовольствие: беспорядки в правительственном механизме и недостойное царскому сану поведение Петра I, его подготовка к заграничному путешествию. У Авраамия созрела мысль довести до сведения царя все, что вызывало среди народа ропот о нем, осуждение и недовольство. Так возникло послание старца царю. В начале января 1697 г. Авраамий подал Петру I свои «тетради», в которых впервые воплотилась литературно оформленная критика петровских нововведений. Будучи человеком «книжным», хорошо знакомым с богословской литературой, Авраамий выступил с публицистическим произведением, в котором обращал внимание царя на существующие «неправды» в стране, а также на его «богонеугодные» поступки, пытался указать те мероприятия, которые, по его мнению, необходимы были России²⁵.

Вместо встречи с царем Авраамий и члены его кружка попали в застенки Преображенского приказа. Расследование дела показало, что встречи и разговоры в келье монаха Авраамия не имели опасных последствий для правительства, поэтому участники кружка отделались легкими наказаниями. Они были высланы из Москвы. Главный виновник дела старец Авраамий был отправлен в Голутвин монастырь под Коломной, подьячие биты кнутом и сосланы в Азов. Братьям Посошковым удалось оправдаться. Они заявили, что на встречах в кружке они не произносили ничего, порочащее царя, что подтвердил и Авраамий²⁶.

Вскоре после ликвидации кружка старца Авраамия, перед самым отъездом Великого посольства из Москвы, был раскрыт заговор с целью покушения на жизнь царя.

Двадцать третьего февраля 1697 г., накануне отъезда из Москвы, назначенный прощальный ужин в доме Лефортова был омрачен полученным известием о заговоре с целью убийства Петра I. В своих воспоминаниях Гордон писал, что вечером он «был у генерала Лефортова, где собирались повеселиться, но это было расстроено открытием заговора против его величества»²⁷.

Один из командиров стрелецкого Стремянного полка, пятисотный Ларион Елизаров, донес на думного дворянина Ивана Цыклера о его намерении убить государя, что подтвердил и пятидесятник того же полка Силин. Тотчас же арестованный Цыклер оговорил на допросе окольного А.П. Соковкина, а тот - своего зятя стольника Ф.М. Пушкина. Таким образом открылся заговор, во главе которого стояли окольный и думный дворянин - два члена Боярской думы. Началось следствие: допросы и пытки.

Заговор Цыклера стал первой серьезной попыткой недовольных оппозиционных кругов организовать новый дворцовый переворот. Раскрыт заговор был в самом начале, он охватывал ограниченный круг людей и организационно не был подготовлен. Руководители заговорщиков в прошлом являлись приближенными царевны Софьи и занимали во время ее правления крупные государственные посты. Связанные между собой узами родства и прошлой политической деятельностью, они не пользовались расположением Петра I. Поэтому произошедшее перед тем назначение Пушкина на воеводство в Азов, а Цыклера на строительство Таганрога было воспринято будущими заговорщиками как желание правительства убрать их из Москвы. Эти назначения и предполагавшаяся отправка двух сыновей Соковкина за границу для изучения навигацкой науки шли вразрез с представлениями «о боярской чести», умаление которой подтолкнуло их на путь дворцового переворота²⁸.

На своих собраниях они разрабатывали план убийства Петра I и установления выборной монархии. Причем кандидатами на престол выставлялись бояре А.С. Шеин и Б.П. Шереметев. Но Л. Елизаров, которого Цыклер пытался вовлечь в заговор, немедленно (23 февраля) сообщил об этом разговоре Л.К. Нарышкину, а последний направил его прямо к самому Петру I.

Следствие по этому делу установило намерение определенных кругов

московского родовитого боярства, близких к Софье, использовать для достижения своих целей донских казаков. В заговор был вовлечен их представитель П. Лукьянов. Помощниками Цыклера, стрельцом-пятидесятником В. Филипповым и донским казаком, обсуждались далеко идущие планы по организации московского бунта и разорению столицы²⁹. Конечно, никаких серьезных связей между донским казачеством и недовольными Петром I московскими боярами не было. Но бояре, не имея какой-либо основательной опоры в казачестве, могли использовать недовольство среди казаков как козырь в агитации за бунт среди московских стрельцов.

Петр I не без оснований усмотрел в заговоре продолжение борьбы за власть с боярами Милославскими. Цыклер, Соковнин, Пушкин были признаны виновными и приговорены к смертной казни, которая состоялась 4 марта 1697 г. в селе Преображенском. К моменту казни выкопанный гроб с телом боярина И.М. Милославского был доставлен на запряженных свиньях и поставлен у плах изменников; когда им отсекали головы, то кровь стекала в гроб покойного Ивана Милославского. Головы казненных были посажены на колья и установлены для устрашения на Красной площади Москвы³⁰.

Жестокая расправа с заговорщиками не была излишней. Во время отсутствия Петра I в Москве произойдет самая серьезная попытка свержения его с престола и возвращения к власти царевны Софьи, поскольку оппозиционные группы, слабые в силу отсутствия у них социальной опоры для переворота, вынуждены были выжидать удобного момента.

Раскрытый заговор не изменил намерений царя ехать в Европу и не нарушил ритма подготовительных мероприятий.

Отъезд Великого посольства из Москвы начался 2 марта 1697 г. В этот день передовой отряд с соболойной и денежной казной в сопровождении солдат направился в Псков, где должен был ожидать весь его состав. Сани, нагруженные продовольствием и личными вещами участников посольства, а также казенным имуществом, составили длинный обоз. О величине его можно судить по тому, что под весь посольский поезд потребовалась одна тысяча подвод³¹.

Девятого марта 1697 г., спустя пять дней после казни заговорщиков, Петр I отбыл из Москвы с основной частью посольства. Выезд царя за пределы России являлся небывалым событием. Поэтому он осуществлялся в глубокой тайне, и о нем было запрещено сообщать за границу. Официально об отъезде Петра I не говорилось и внутри страны. В составе посольства царь пребывал инкогнито, руководя его деятельностью. На время его отсутствия управление страной передавалось в руки бояр — «князя-кесаря» Ф.Ю. Ромодановского и Т.Н. Стрешнева³². Но официально царь считался присутствующим в столице. Все деловые бумаги в государстве должны были поступать на его имя и исходить от его имени, и само посольство должно было посылать свои донесения на имя государя Петра I.

По территории России посольство двигалось очень медленно. Потребовалось две недели, чтобы достичь пограничного пункта со Швецией — Псково-Печерского монастыря. Лошадей в пути не меняли, поэтому нужны были более длительные остановки для их отдыха. Ехали главным образом по ночам, когда дорогу подмораживало и санному обозу легче было передвигаться. Петр I, по-видимому, обладал отличной способностью спать в санях, в которых совершал путешествие. По сохранившимся сведениям, день 12 марта был проведен в Твери, 13 марта - в Торжке, а 14-го — в Вышнем Волочке. В Новгороде оставались целых три дня. Во время остановок Петр I писал письма своим московским соратникам и родственникам. Но из этой переписки мало что сохранилось³³. Проезжая по Тверской, Новгородской и Псковской земле, Петр I имел возможность ознакомиться с неизвестными ему до сих пор своими владениями. Во время

длительных остановок он внимательно присматривался к особенностям северо-западных областей русской земли, вплотную примыкавших к Балтийскому морю. Из Пскова посольство двинулось в путь двадцать третьего марта. Двадцать четвертого марта Петр I с послами и бомбардирами прибыли в расположенный у самой границы Псково-Печерский монастырь, где они вместе с монахами отпраздновали большой религиозный праздник Благовещения.

На следующий день, 25 марта 1697 г., захватив с собой необходимые продовольственные припасы, Великое посольство пересекло границу у города Нейгаузена. Дальше начинались владения Швеции.

На границе русское посольство встретили и сопровождали представители рижского генерал-губернатора Эрика Дальберга. Так началось знаменитое Великое посольство Петра I в Европу, послужившее началом тех грандиозных преобразований, которые осуществлялись в России в первой четверти XVIII в.

¹ См.: История дипломатии /Под ред. В.А. Зорина, В.С. Семенова, С.Д. Сказкина, В.М. Хвостова. М., 1959. Т. 1. С. 335-336.

² Пушкин А.С. Сочинения: В 10 т. М., 1957. Т. 3. С. 210.

³ См.: Лурье Ф.М. Российская и мировая история в таблицах. СПб., 1995. С. 109.

⁴ См.: Мартене Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. СПб., 1874. Т. 1. С. XXI1-XXII1, 13.

⁵ Цит. по: Устряпов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 2. С. 400.

⁶ Богословский М.М. Петр I: Материалы для биографии. М., 1940. Т. 1. С. 357, 360.

⁷ См.: Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1887. Т. 1. С. 118.

⁸ См.: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1867. Т. 8. Стб. 513.

⁹ Там же. Стб. 514-515.

¹⁰ Там же. Стб. 505-506; Устряпов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 3. С. 6.

¹¹ См.: Богословский М.М. Петр I: Материалы для биографии. Т. 1. С. 13.

¹² См.: Пушкин А.С. История Петра//Сочинения: В Ют. М., 1958. Т. 9. С. 59.

¹³ См.: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Стб. 507-512.

¹⁴ См.: Там же. Стб. 513-515.

¹⁵ Там же. Стб. 508-512.

¹⁶ См.: Там же. Стб. 534-535.

¹⁷ См.: Там же. Стб. 525-529, 542, 628, 631, 657-658.

¹⁸ См.: Бакланова Н.А. Великое посольство за границей в 1697-1698 гг. // Петр Великий/ Под ред. А.И. Андреева. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 7.

¹⁹ Ефимок — русское название западноевропейского талера, из которого в XVII и XVIII вв. в России чеканились серебряные монеты. В 1704 г. талер был принят в России за весовую единицу серебряного рубля.

²⁰ См.: Веневитинов М.А. Русские в Голландии. Великое посольство 1697-1698. М., 1897. С. 174.

²¹ См.: Бакланова Н.А. Великое посольство за границей в 1697-1698 гг. С. 8-9.

²² Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 9. Стб. 946, 960.

²³ Там же. Стб. 513.

²⁴ См.: Там же. Стб. 514.

²⁵ См.: Тетради старца Авраамия // Исторический журнал. М., Л., 1951. Т. 6. С. 145—155.

²⁶ См.: Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1994. С. 63-64.

²⁷ Цит по: Богословский М.М. Петр I: Материалы для биографии. Т. 1. С. 391.

²⁸ См.: Там же. С. 392.

²⁹ См.: Там же.

³⁰ См.: Соловьев С.М. Сочинения. М., 1991. Кн. 6. С. 530.

³¹ См.: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Стб. 657-658.

³² См.: Павленко Н.И. Петр Великий. С. 64.

³³ См.: Богословский М.М. Петр I: Материалы для биографии. М., 1941. Т. 2. С. 15-16